УДК 316.4; 913

Л.В. Никитин

ГЕОГРАФИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В США И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ 1980-х–2010-х ГОДОВ

В статье по ряду ключевых параметров сопоставляется география банковской деятельности в США и Российской Федерации. Особое внимание, уделяемое именно этой отрасли, объясняется не только ее огромным влиянием на всю экономику, но и теми налоговыми и иными преимуществами, которые получают города с появлением в них крупных финансовых компаний. Выбор двух названных стран в качестве объектов для сравнения был связан, в частности, с соизмеримой численностью их населения, широким спектром внутренних экономико-географических различий, федеративным устройством, а также некоторыми похожими чертами в финансовой истории относительно недавних десятилетий. В основу исследования положен прежде всего массив статистических данных, которые доступны на официальных порталах Банка России, Федеральной корпорации США по страхованию вкладов и Архива Федеральной резервной системы США. Основные ряды открытой статистики уходят в прошлое до 1978 г. для США и 1998 г. для России; при этом по дополнительным направлениям возможно погружение и в более отдаленное от нас время. Исходные статистические данные, после систематизации и обработки с помощью различных математических инструментов, позволили провести компаративный анализ банковской географии двух стран по таким показателям, как количество кредитных корпораций, расхождение между городами по объему деятельности местных банков, интенсивность ранговых перемещений среди ведущих отраслевых центров, а также влияние численности населения и административного статуса городов на их банковские достижения. Исследование показало, что общие рыночные факторы приводят к сходству между США и Россией, например, в таких аспектах, как изменение численности корпораций и динамика межгородского расслоения. С другой стороны, Россия резко отличается от США более высокой степенью сосредоточения ресурсов в национальной финансовой столице, а также выраженным превосходством региональных административных центров над их окружением.

Ключевые слова: Россия, США, 1980-е–2010-е гг., банки, города, конкуренция, сравнительный анализ.

Введение

Современная кредитно-финансовая система играет исключительно важную роль в мировой экономике: иногда как источник дисбалансов и кризисов, но чаще – как механизм гибкого и эффективного перенаправления свободных денежных ресурсов между отраслями или между территориями. Положительные эффекты банковской деятельности нередко проявляются и в другом аспекте. Города, в которых располагаются большие кредитные корпорации, получают заметные преимущества в виде квалифицированных рабочих мест и дополнительных налоговых поступлений, а возможно также и в плане появления новых девелоперских проектов, притяжения других сегментов бизнеса, проведения статусных мероприятий в различных сферах и т. д. В этой связи важным и перспективным научным направлением представляется изучение географии банковской деятельности как непосредственно на современных материалах, так и в ретроспективном ключе, позволяющем оценить долгосрочную динамику различных процессов. О большом значении подобной исследовательской работы говорили, например, в своей концептуальной статье 2000 г. видные специалисты из Московского государственного университета В.Н. Горлов, В.В. Климанов и А.Н. Лузанов [4]. К настоящему времени опубликовано уже немало научных трудов, посвященных кредитно-финансовым центрам глобального уровня и конкуренции между ними. При этом менее изученной (но также, несомненно, требующей внимания) остается аналогичная проблематика в рамках отдельных стран. В настоящей публикации автор стремится, опираясь на свои прежние работы [см., напр.: 6; 16] и дополняя их комплексом новых данных, а также учитывая выводы других исследователей [2; 3; 5; 7; 8; 14; 20; 21], представить развернутый компаративный анализ внутренней банковской географии двух очень крупных и неравномерно развитых стран – Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации.

Теоретические основания

Выбор для наблюдения и сопоставлений именно этой пары государств объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, США и Россия, хотя и далеко не равны, но вполне соизмеримы по

числу жителей и величине территории. Во-вторых, каждая из этих стран отличается неравномерным распределением населения, большим экономико-географическим разнообразием, выраженной отраслевой направленностью многих городов и регионов, резкими внутренними контрастами и т. д. В-третьих, названные страны по своему политическому устройству являются федеративными республиками, причем количество субъектов этих федераций (51 в США и от 83 до 89 в России на разных этапах ее постсоветской истории) достаточно велико для различных статистических измерений.

Еще более важным (в контексте данного исследования) обстоятельством является и некоторое сходство в эволюции кредитно-финансовых систем США и России. Конечно, Америка с ее практически непрерывной историей демократических институтов и рыночной экономики никогда не знала той степени государственного диктата и централизации, в которой работала банковская система нашей страны на протяжении почти всего советского периода. Но все же и в США финансисты сталкивались с множеством ограничений. Еще в первые десятилетия существования североамериканского государства сложный комплекс интересов, имевшихся у деловых и политических элит регионального уровня, привел к тому, что банки не имели права работать за пределами своих штатов, а часто и своих городов [10. P. 155-158, 162-163]. Позднее «новый курс» президента Ф.Д. Рузвельта, ставший ответом на кризис 1929–1933 гг., принес дополнительные ограничения, касавшиеся возможности выхода на фондовый рынок и ряда других вопросов. Только на рубеже 1970-х–1980-х гг., когда стало очевидным, что набор архаических правил снижает эффективность американских банков и ослабляет их перед лицом иностранных конкурентов, администрации Дж. Картера (1977–1981 гг.) и Р. Рейгана (1981–1989 гг.) инициировали постепенную либерализацию кредитного сектора. Несколько позже (с 1987–1988 гг.) и при резко отличавшихся стартовых условиях началось развитие свободного банковского дела и в Советском Союзе, включая, разумеется, Российскую Федерацию. Таким образом, с неизбежной оговоркой о лишь очень отдаленном сходстве исторических судеб, обе страны в 1980-е гг. стали продвигаться по пути кредитно-финансовой либерализации, что дает дополнительные основания для синхронного мониторинга дальнейших перемен, а также для формирования на этой основе некоторых обобщений и выводов.

Наконец, очень большое значение имеет то, что в обоих случаях для ученых доступны открытые базы исторической и современной статистики, которые по своей глубине и детализации почти не имеют аналогов в мире.

Это в первую очередь относится к США, где Федеральная корпорация по страхованию вкладов (ФКСВ) публикует регулярную отчетность по каждому банку и банковскому холдингу, уходящую в прошлое до января 1993 г. [12]. С более ранними данными, хотя и в ином формате, можно познакомиться благодаря Архивной системе Федерального резерва США для экономических исследований [13].

В России аналогичные сводки на сайте национального Центробанка начинаются с 1998–1999 гг. [1]. Открывающаяся, таким образом, 20-летняя ретроспектива, значительно уступая по протяженности американской, все же позволяет проводить замеры и вычисления различного рода. Что касается предыдущего периода, то для него может быть реконструирована упрощенная статистическая картина по отдельным параметрам.

Только что изложенными обстоятельствами (и в плане поворотных исторических моментов, и в плане доступности базовых источников) определяются хронологические рамки исследования. По отдельным показателям выстраивание российско-американских параллелей начнется со времени либерализации национальных банковских систем в 1980-е гг. Расширенный и синхронный компаративный анализ, учитывающий также результаты предыдущих этапов, охватит период от конца 1990-х гг. до настоящего времени.

Метод

Ключевую роль в проведенном исследовании играют количественные данные, прошедшие обработку с помощью различных математических инструментов.

Сначала были собраны представленные на упомянутых официальных ресурсах [1; 12; 13] данные об активах банков (в России) и банковских холдингов (в США). В круг исследования на этом этапе вошло более 3,5 тыс. финансовых корпораций. Величина активов фиксировалась на начало каждого календарного года за весь период, доступный для наблюдений. Затем осуществлялась группировка активов по городам, исходя из расположения корпоративных штаб-квартир. При неизбежных колебаниях от года к году исследование в общей сложности охватило свыше 450 американских и российских городов.

В отдельных случаях (особенно при обращении к относительно ранним датам, не обеспеченным достаточными статистическими материалами) проводился мониторинг такого упрощенного, но также имеющего некоторую информационную ценность индикатора, как количество банковских корпораций, зарегистрированных в отдельном городе или в целой стране. При этом магистральными направлением все же оставались вычисления, основанные на информации о распределении банковских активов.

Как будет показано ниже, последующие действия с этим массивом данных включали в себя (в зависимости от конкретной исследовательской задачи) расчет среднеквадратических отклонений, коэффициентов вариации и линейной корреляции, а также простых долевых характеристик.

Проводившаяся при необходимости поправка полученных показателей на темпы инфляции осуществлялась на основе сводок, публикуемых Статистическим отделом ООН [18].

В связи с корреляционными исследованиями привлекались также демографические данные, источником которых стали официальные сайты Федеральной службы государственной статистики России [9] и Бюро переписей населения США [19].

Количественная информация постоянно соотносилась с неколичественной – в таких вопросах, как ход реформирования национальных банковских систем, важнейшие случаи слияний, поглощений или переездов финансовых компаний и т. д.

На этой основе в 20–30-летней динамике проводилось сопоставление банковской географии США и России по ряду принципиально важных параметров.

1. Изучалось общее количество действующих кредитно-финансовых корпораций, а также их распределение по городам. Подобный анализ позволил увидеть общие закономерности развития банковских систем в плане их естественной склонности к концентрации и консолидации. При всей упрощенности измерений на основе количества банков, независимо от их величины, именно в этой части может быть обеспечена максимальная хронологическая глубина исследования, дополненная расширенными географическими сопоставлениями.

2. Выявлялась степень расслоения между городами по величине банковских активов (в иной формулировке: степень накопления финансовых ресурсов в крупнейших деловых центрах в сравнении с отстающими городами). В этом тематическом блоке использовались два основных инструмента.

Во-первых, рассчитывалось среднеквадратическое отклонение (СКО) – базовый статистический индикатор, отражающий меру разброса индивидуальных значений какого-либо признака (вновь подчеркнем, что в нашем случае это суммарные активы местных кредитных корпораций в каждом из рассматриваемых городов США и России, подсчитанные в серии ежегодных хронологических точек). Чем сильнее с течением лет расходятся индивидуальные результаты, тем выше становится значение СКО. Для исключения внешних искажающих факторов (прежде всего курсовых колебаний) расчеты велись отдельно в двух национальных валютах, а также с поправкой на темпы инфляции.

Во-вторых, в качестве дополнительно фильтра был использован коэффициент вариации (КВ), который рассчитывается как отношение СКО к среднему значению в изучаемой выборке. При схожей природе СКО и КВ фиксируют степень расслоения и ведут себя одинаково: их рост указывает на увеличивающееся неравенство. Вместе с тем КВ можно интерпретировать как более строгий (но и менее гибкий) измеритель, позволяющий окончательно убедиться в факте нарастающего расслоения (или же отчасти поставить его под сомнение). Таким образом, СКО и КВ хорошо сочетаются и эффективно дополняют друг друга. Кроме этого, КВ, выражаемый в процентах и не зависящий от курса валют, является полезным инструментом именно для международных сопоставлений.

3. Исследовалась степень открытости (или, наоборот, замкнутости) высших эшелонов национального банковского бизнеса. Для этого применялся введенный автором коэффициент ранговых перемещений (КРП), требующий, соответственно, отдельного комментария. КРП рассчитывался следующим образом. С шагом в один год учитывались все случаи вхождения новых городов в число 20 крупнейших банковских центров США или России, выхода из этой группы или же передвижения внутри нее. Отдельно учитывались перестановки, происходившие в первой пятерке и первой десятке ведущих кредитных метрополий. При этом использовалась процедура взвешивания. Переход между любыми соседними местами не выше 21-го (независимо от того, происходило движение вверх или вниз) оценивался в один балл, переход с 21-го места на 20-е (или обратно) – в два балла, с 20-го на 19-е (или обратно) – в три балла и т. д. Очевидно, что высокие значения КРП указывают на большие сдвиги (прорывы сравнительно небольших финансовых центров в группу лидеров и драматическое выбывание из ее рядов прежних игроков высшего класса); низкие значения говорят о замкнутости «элитного финансового клуба городов».

4. Тестировалось предположение, что развитию сильных банковских корпораций в том или ином городе может способствовать большая численность его населения. Сравнение банковских показателей с демографическими объяснялось также универсальностью и широкой доступностью последних (в отличие, например, от статистики по объему местных экономик, в случае с которой в США и России используются не полностью совпадающие критерии расчетов). Для этой цели вычислялся коэффициент линейной корреляции – стандартный измеритель, отражающий меру зависимости одного параметра от другого. Значение этого коэффициента теоретически способно изменяться в диапазоне от –1 до +1. Результаты, приближающиеся к отметке +1, с большой долей вероятности свидетельствовали бы о сильном влиянии одного параметра на другой (то есть в данном случае численности населения на масштабы банковского бизнеса).

5. Выявлялась роль административного фактора в банковских успехах различных городов. В этой связи рассчитывались коллективные доли столиц американских штатов и административных центров субъектов РФ в общих активах национальных банковских систем. Кроме этого, вычислялись доли тех территорий, где политико-административные центры являются также ведущими узлами банковской деятельности.

Итак, после представленного обзора источников информации и направлений исследования необходимо в том же порядке рассмотреть и проанализировать полученные результаты.

Результаты и обсуждение

1. Количество и географическое распределение банков

В США и России изменение численности банков происходило по разным сценариям, между которыми вместе с тем просматривается фундаментальное сходство.

Со времени образования Соединенных Штатов американский кредитный бизнес почти всегда работал в условиях политической стабильности и свободного рынка, хотя и при уже упомянутых географических ограничениях. На фоне подъема экономики, особенно с 1870-х–1880-х гг., количество коммерческих банков росло все быстрее, достигнув исторического максимума (30,5 тыс.) в начале 1920-х гг. Затем различные факторы (участившиеся слияния и поглощения корпораций, изменения в банковском законодательстве, разного рода кризисы и т. д.), сменяя и дополняя друг друга, развернули тренд в обратную сторону. Количество действующих банков стало уменьшаться, и за неполные 100 лет оно сократилось примерно в шесть раз.

Аналогичным образом изменилось число городов и иных населенных пунктов, в которых имеются собственные кредитные корпорации. Хотя исчерпывающее измерение этого показателя на американском материале несколько затруднено из-за огромного массива данных и некоторых других обстоятельств, нынешнюю нисходящую линию можно наблюдать по следующим пробным точкам. В 1993 г. среди большой фокус-группы, охватывающей 200 городов США, как минимум одним банком с местной регистрацией обладали 192, а банковским холдингом – 166 городов; к 2005 г. эти числа медленно снизились до 187 и 164, а к 2017 г. – до 171 и 156 соответственно.

В России с ее турбулентной историей попытки создать конкурентную кредитную систему без тотального контроля со стороны государства предпринимались трижды. Успешная либерализация банковской отрасли, начавшаяся в 1860-е гг., была резко прервана в 1917–1918 гг. Возвращение к относительно свободным правилам работы отрасли, произошедшее в первой половине 1920-х гг. в условиях НЭПа, завершилось уже к 1930–1932 гг. при развороте к всеобъемлющему и крайне централизованному планированию. Наконец, в 1987–1988 гг. начался третий тур реформ, заложивший основы современной кредитно-финансовой системы РФ. Если рассмотреть происходившие с этого момента колебания численности банков, то нетрудно заметить базовое сходство с аналогичной американской траекторией. На ранних этапах в России также происходил быстрый рост «популяции», которая достигла высшей точки (около 2,5 тыс. банков) в 1995 г., затем последовало сокращение примерно в 4,5 раза за 22 года.

Похожая картина наблюдалась и в географической проекции, где, впрочем, исторический максимум был пройден еще быстрее. Наивысшее число российских населенных пунктов с собственными банками (более 520) наблюдалось в 1992–1993 гг.; к 2000 г. показатель упал до 247, а в 2017 г. – до 114 самостоятельных банковских центров того или иного масштаба.

В табл. 1.1 и 1.2 в относительных величинах, более удобных при таких сопоставлениях, представлено изменение численности банков в обеих странах, соответственно на восходящей и нисходящей фазах. Максимальные показатели, достигнутые в каждой стране, принимались за 100 %. Контрольные даты выбирались таким образом, чтобы обеспечить, где это возможно, соизмеримые дистанции между ними. Теперь мы можем видеть, что даже при несовпадающих по хронологии пиках (1921 г. в США и 1995 г. при «третьей попытке» в России), а также при более высоких в российском случае темпах изменений (особенно на этапе роста) общая схема «увеличение–сокращение» наблюдается в обеих странах. Идентичными являются и причины перехода ко второй фазе: кризисы, правовые изменения и главным образом диктуемая рынком склонность к укрупнению банков. В этой же связи следует подчеркнуть, что сокращение числа кредитных корпораций чаще всего сочеталось не с уменьшением, а, наоборот, с приростом общей величины их капитала, активов и депозитов.

Таблица 1.1

Количество действующих банков в США и России по отношению к максимальному показателю (США – 1921 г., Россия – 1995 г.): период роста

США,	**1800**	**1830**	**1865**	**1885**	**1900**	**1910**	**1921**
1800–1921 гг.	0,10 %	1,15 %	5,39 %	12,16 %	40,80 %	80,49 %	100 %
Россия,	**1989**	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**
1989–1995 гг.	0,94 %	5,32 %	44,23 %	53,24 %	71,21 %	81,94 %	100 %

Расчеты на основе [1; 11-13; 15; 17].

Таблица 1.2

Количество действующих банков в США и России по отношению к максимальному показателю (США – 1921 г., Россия – 1995 г.): период сокращения

США,	**1921**	**1939**	**1957**	**1975**	**1993**	**2011**	**2017**
1921–2017 гг.	100 %	48,16 %	44,79 %	46,72 %	37,65 %	21,44 %	16,78 %
Россия,	**1995**	**1999**	**2003**	**2007**	**2011**	**2015**	**2017**
1995–2017 гг.	100 %	59,42 %	52,83 %	46,76 %	39,11 %	32,02 %	23,51 %

Расчеты на основе [1; 11-13].

Более того, в данном случае мы, вероятно, имеем дело не только с общей для США и России, но и с глобальной закономерностью. Как показано в недавнем исследовании американского историка Р. Гроссмана, аналогичная двухфазовая картина сначала роста, а затем сокращения числа банков наблюдалась во многих других странах, и вновь при заметном хронологическом разбросе периодов выхода на максимальные результаты (первая половина XIX в. – для Великобритании, последняя треть XIX в. – для Канады и Австралии, начало XX в. – для Германии и Швеции, конец 1910-х – начало 1920-х гг. – для Дании и Норвегии (как и для США), конец 1920-х гг. – для Италии, Бельгии и Нидерландов) [14. P. 16-27; см. также: 10. P. 126]. Наконец, такие же траектории (с выходом на высшую точку в первой половине 1990-х гг.) были зафиксированы автором этих строк при пробных расчетах в отношении крупнейших после России стран постсоциалистического пространства – Украины и Польши.

2. Динамика межгородского расслоения

В этом и в последующих сегментах исследования учитывалось уже не только количество кредитных корпораций, но также их размеры. Иными словами, основой расчетов стали данные по активам банков (для США – банковских холдингов), сгруппированные по городам.

Степень сближения или расхождения городских показателей измерялась, как уже было отмечено, с помощью среднеквадратического отклонения (СКО) и коэффициента вариации (КВ). Для максимально точного отображения выявленной картины значения СКО и КВ представлены в табл. 2.1 и 2.2 в полном варианте, то есть с шагом в один год. Кроме этого, в российском случае была внесена аналитическая поправка: очень крупный банк ВТБ, официально сменивший в 2005 г. место регистрации с Москвы на Санкт-Петербург, включался в расчеты как московская корпорация (по городу, который по-прежнему является для этого банка основным центром управления). Заметим также, что и при отказе от этой корректировки (то есть при строгом возвращении к официальным данным) общие нижеизложенные закономерности, становясь чуть менее четкими, не теряют свою силу.

Таблица 2.1

Среднеквадратическое отклонение по активам местных банковских холдингов (банков) в городах США и России, 1978 (1998) – 2017 гг. (на начало указанного года, в национальных валютах, в постоянных ценах 2005 г.)

США, млрд долл.	**1978**	**1979**	**1980**	**1981**	**1982**	**1983**	**1984**	**1985**	**1986**	**1987**
	53,2	56,2	58,3	58,7	57,5	59,3	57,8	61,7	66,2	69,6
	1988	**1989**	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**
	67,3	66,8	66,3	65,1	64,4	64,6	70,6	79,4	86,6	95,5

Таблица 2.1 (продолжение)

	1998	**1999**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**
США, млрд долл.	105,5	121,2	117,4	125,3	131,8	140,7	149,6	190	194,3	223,2
Россия, млрд руб.	234,7	197,8	210,4	263,2	305	356	398,2	423,7	506	646,1
	2008	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
США, млрд долл.	256,6	286,4	262,3	264,7	274,4	280,2	281,5	289,5	285,5	295,2
Россия, млрд руб.	784,8	1091	994,3	996,4	1158	1305	1432	1776	1671	1526

Расчеты на основе [1; 12; 13; 18].

Таблица 2.2

Коэффициент вариации по активам местных банковских холдингов (банков) в городах США и России, 1978 (1998) – 2017 гг. (в процентах)

США	**1978**	**1979**	**1980**	**1981**	**1982**	**1983**	**1984**	**1985**	**1986**	**1987**
	493	495	499	507	484	474	453	450	438	426
	1988	**1989**	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**
	420	406	391	393	388	396	408	420	425	441

Таблица 2.2 (продолжение)

	1998	**1999**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**
США	440	463	442	446	455	457	460	536	525	563
Россия	1234	1251	1209	1182	1185	1199	1194	1191	1199	1208
	2008	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
США	585	607	594	597	603	592	588	580	555	553
Россия	1201	1230	1218	1229	1250	1254	1264	1305	1296	1293

Расчеты на основе [1; 12; 13].

Итак, наблюдая сначала за движением СКО на американском банковском поле, мы можем заметить некоторый рост показателя (и, соответственно, рост межгородских разрывов) на фоне частичной либерализации кредитного дела (до 1987 г.). Затем СКО начало уменьшаться в условиях банковского кризиса второй половины 1980-х гг. и общеэкономической рецессии 1990–1992 гг. Уже просматривающаяся за ранними наблюдениями закономерность более четко проявилась с 1990-х гг., когда, заметим, были окончательно отменены давние географические барьеры и началось выстраивание банковских групп федерального масштаба. В новых условиях расслоение, измеренное через СКО, росло в период экономического подъема после 1993 г., сменившись затем коррекцией в период рецессии на рубеже 1990-х–2000-х гг. Таким образом, мониторинг двух макроэкономических циклов показал, что обычно в условиях экономического подъема неравенство между городами растет (лидеры уходят в отрыв от остальных городов), а в условиях кризисов – сокращается (лидеры переживают более резкое торможение, чем другие города).

Эти предварительные наблюдения в целом подтверждаются данными из следующих деловых циклов, относящихся уже к XXI в. В США межгородское неравенство росло на фоне подъема 2002–2007 гг., уступив место обратному процессу в период чрезвычайно тяжелого кризиса 2008–2009 гг. Более того, похожие закономерности статистика теперь позволяет наблюдать и в России. Там снижение СКО на рубеже 1990-х–2000-х гг., его рост в 2001–2007 гг. и новое падение после кризиса 2008–

2009 гг. накладывались на колебания макроэкономической конъюнктуры примерно так же, как и в Америке. Затем отмеченные правила проявились на еще одном витке. В США экономический подъем, начавшийся в 2010 г., сопровождался привычным (хотя на этот раз медленным) ростом межгородских разрывов; в России аналогичные процессы происходили в довольно благоприятных условиях 2010–2014 гг., уступив место снижению СКО в период спада 2015–2016 гг.

Следует также подчеркнуть, что по продолжительности и по масштабам изменений периоды расслоения определенно выигрывают у периодов сглаживания; таким образом, в долгосрочном плане наблюдается общее усиление неравенства между городами по банковским показателям.

При некоторых оговорках, особенно в отношении слабого американского расслоения 1980-х гг. и 2010-х гг., отмеченные закономерности – рост неравенства преимущественно в условиях подъема, коррекция преимущественно в условиях кризиса – в целом подтверждает и строгий фильтр КВ (табл. 2.2).

Он же, как показатель, позволяющий не обращать внимания на стоимость валют и сравнивать разные страны в единых процентных величинах, со всей определенностью говорит о том, что в России (где КВ намного выше) уровень межгородского расслоения далеко превосходит американские аналоги. Безусловно, важнейший вклад в это различие вносят флагманы кредитного дела: степень доминирования Нью-Йорка в американской банковской системе явно отстает от степени доминирования Москвы – в российской.

3. Степень открытости группы ведущих банковских центров

Основной в этом аналитическом блоке инструмент (коэффициент ранговых перемещений, КРП) рассчитывался в различных версиях: для групп из 5, 10 и 20 крупнейших отраслевых центров, а также как средний показатель для этих трех вариантов. Именно последняя модификация показана в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициент ранговых перемещений среди ведущих банковских центров США и России, 1978 (1998) – 2016 гг. (среднее значение для 5, 10 и 20 центров, в баллах)

США	**1978**	**1980**	**1982**	**1984**	**1986**	**1988**	**1990**	**1992**	**1994**	**1996**
	55	71	42	128	155	275	98	373	189	144

	1998	**2000**	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2014**	**2016**
США	534	76	53	498	260	651	66	74	90	68
Россия	190	284	201	187	299	133	268	149	276	383

Расчеты на основе [1; 12; 13].

Полученные данные позволяют утверждать, что и в США, и в России на верхних этажах национальных банковских иерархий наблюдаются довольно активные перестановки. Резкий рост коэффициента обычно происходит в кризисные годы, когда учащаются банкротства и слияния крупных компаний, способные существенно повлиять на общие результаты их городов. Впрочем, данное правило не является строго обязательным, к тому же подобные события нередко наблюдаются и в благополучные времена.

По этому измерителю почти не просматриваются четкие и доказанные различия между двумя странами. Сумма коэффициентов, накопленная с 1998 г., в России оказалась несколько выше, чем за тот же период в США, зато в американском случае наблюдались разовые сверхмощные всплески КРП (особенно в 1998, 2004 и 2008 гг.). Можно утверждать, что в РФ иерархический порядок финансовых столиц, особенно на местах ниже пятого, более подвержен трансформациям, чем в Соединенных Штатах. С другой стороны, в российском случае гарантированными остаются позиции не только первого финансового центра (Москвы), но и второго (Санкт-Петербурга), тогда как в Америке аксиомой представляется только абсолютное лидерство Нью-Йорка.

Но в любом случае наиболее важное наблюдение, основанное на расчете КРП, заключается не в этих относительно частных моментах, а в принципиальной открытости американской и российской банковских элит. За период наблюдений фиксируется немало случаев как быстрого подъема в высшую группу (примерами в разные годы могут служить Шарлотт, Уинстон-Сейлем и Маклин в США,

а также Кострома и Благовещенск в России), так и стремительного выхода из ее состава (Лос-Анджелес и Хьюстон в США, Кемерово и Уфа в России).

Таким образом, представленный в предыдущем разделе вывод об усиливающемся межгородском расслоении дополняется одним существенным обстоятельством. Уходящие в отрыв финансовые центры не обязательно являются закрытым элитарным сообществом. Перспектива подняться на высокие ступени (как и угроза быстро скатиться с них) в условиях свободного рынка открыта перед многими городами.

4. Соотношение демографических и банковских показателей городов

Серия ежегодных корреляционных замеров, с помощью которых исследовалась зависимость банковского веса городов от численности их населения, показывает как существенные различия, так и некоторое сходство между двумя странами (табл. 4).

Таблица 4

Коэффициент линейной корреляции между численностью населения и банковскими активами по городам США и России, 1978 (1998) – 2016 гг.

США	**1978**	**1980**	**1982**	**1984**	**1986**	**1988**	**1990**	**1992**	**1994**	**1996**
	0,877	0,874	0,892	0,899	0,887	0,886	0,882	0,854	0,794	0,793

	1998	**2000**	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2014**	**2016**
США	0,752	0,686	0,701	0,713	0,665	0,657	0,729	0,740	0,741	0,729
Россия (1)	0,872	0,876	0,878	0,878	0,878	0,897	0,896	0,891	0,890	0,888
Россия (2)	0,705	0,495	0,412	0,608	0,606	0,656	0,601	0,585	0,529	0,448

Россия (1) – корреляция по всем городам; ВТБ рассматривается как московская корпорация;
Россия (2) – корреляция по всем городам, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга;
Расчеты на основе [1; 9; 12; 13; 19].

В Соединенных Штатах, с которых и на этот раз уместно начать ретроспективный обзор, на протяжении изучаемого периода произошли очень значительные и показательные сдвиги. В 1980-е гг. (а также, несомненно, и в предшествующие десятилетия) географические ограничения на кредитную деятельность приводили к сильной зависимости банковских корпораций от демографического потенциала своих и соседних территорий. Коэффициент линейной корреляции, державшийся в диапазоне 0,870–0,900 (то есть недалеко от теоретически возможного максимума, равного единице), указывал на устойчивое и почти обязательное правило: чем больше город, тем крупнее базирующиеся в нем банки и банковские холдинги. Однако последующая либерализация отрасли расшатала эту историческую связь. Очень крупные кредитные корпорации теперь могли вырасти и в сравнительно небольших городах (здесь вновь можно вспомнить Шарлотт и Уинстон-Сейлем), тогда как в огромных центрах (например, в Хьюстоне и Филадельфии) некогда мощные и влиятельные финансовые группы сходили со сцены. В обобщенном виде эта тенденция отразилась в резком снижении показателей связи, наблюдавшемся в 1990-е и 2000-е гг. Последовавшая в 2010-е гг. корректировка оказалась слишком умеренной для того, чтобы говорить о новом развороте.

В России на протяжении последних 20 лет наблюдались очень устойчивые и чрезвычайно высокие значения коэффициента, напоминающие американские показатели до либерализации банковского дела. Однако природа этих явлений резко различалась. Похожие результаты получались в «старых США» из-за фрагментированности кредитного пространства, а в современной России – из-за абсолютного доминирования Москвы по демографическим и тем более по банковским параметрам.

Российская картина, впрочем, начинает существенно меняться при исключении из корреляционных расчетов показателей Москвы, а также Санкт-Петербурга. Остальные города, на конкуренцию между которыми при этом «лабораторном» фильтре уже не влияет мощнейший фактор двух столиц, генерируют тенденцию, близкую к американской. Наблюдавшиеся в разное время прорывы Сургута, Благовещенска и других сравнительно небольших центров, а также неудачи отдельных «миллионников» (например, Уфы и Воронежа) показывают, что и в России при свободном рынке правило «большой город – большие банки» может становиться необязательным.

5. Значение административного статуса для банковских показателей городов

Изучение данного вопроса проводилось по двум тесно связанным линиям.

Прежде всего, вычислялись коллективные доли, которые принадлежат столицам американских штатов и административным центрам субъектов РФ в национальных банковских системах. Здесь сразу потребовалось применение фильтра, при котором из расчетов были исключены показатели крупнейших финансовых центров (Нью-Йорка, Сан-Франциско и Шарлотта в США, Москвы и Санкт-Петербурга в России), во многом формирующих тренды, но при этом закрывающих от наблюдателя «массовую» картину.

Результаты, представленные в табл. 5, высвечивают очень яркое различие в банковской географии России и Соединенных Штатов. Как видим, в американском случае роль региональных административных центров в банковском деле сравнительно невелика. Даже после значительного повышения, наблюдавшегося в 1980-е – первой половине 1990-х гг., их суммарный показатель с трудом преодолел планку 30 %, затем стал снижаться и, наконец, стабилизировался в районе 20 %. С этими довольно скромными числами резко контрастируют данные по России, где доля аналогичных по статусу городов, никогда не опускавшаяся ниже 64 %, постепенно приближается к 90 %.

Таблица 5

Доля столиц штатов в активах банковской системы США, 1978–2016 гг. (в процентах; из расчетов исключаются Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт); доля административных центров субъектов Федерации в активах банковской системы России, 1998–2016 гг. (в процентах; из расчетов исключаются Москва и Санкт-Петербург)

США	**1978**	**1980**	**1982**	**1984**	**1986**	**1988**	**1990**	**1992**	**1994**	**1996**
	16,8	16,9	19,4	21,6	25,2	25,7	26,5	26,7	30,4	27,1

	1998	**2000**	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2014**	**2016**
США	27,4	21,9	19,6	19,2	16,4	18,1	18,6	20,1	19	21
Россия	80,2	68	65,3	76,2	76,5	79,6	81,4	85,6	87,2	81,9

Расчеты на основе [1; 12; 13].

Изучение подобных долевых показателей сопровождалось относительно коротким по хронологии (с 1993 г. для США и, как обычно, с 1998 г. для России), но также информативным мониторингом количества штатов (субъектов Федерации), в которых их главные административные и банковские центры совпадают.

В США исторически сложившееся разделение этих ролей на федеральном поле (между Вашингтоном и Нью-Йорком) воспроизводится и в большинстве штатов. Более того, с течением времени (и по мере расширения рыночной свободы) эта специализация склонна усиливаться. Если в 1993 г. совмещение таких функций наблюдалось в 17 штатах (то есть в 34 % случаев по отношению к общему количеству штатов (50)), то к середине 2010-х гг. данный показатель опустился до семи (14 %). Так, в 2015 г. это не уникальное, но все же достаточно редкое явление наблюдалось только в штатах Аризона (столица и ведущий банковский центр – Финикс), Гавайи (Гонолулу), Джорджия (Атланта), Западная Виргиния (Чарлстон), Массачусетс (Бостон), Южная Каролина (Колумбия) и Юта (Солт-Лейк-Сити). Правда, через два года к этой группе добавились Арканзас (Литл-Рок), Нью-Гемпшир (Конкорд) и Род-Айленд (Провиденс), доведя общий показатель до 10 (20 %). Но в любом случае подобные штаты остаются в явном меньшинстве; к тому же среди них мощными банковскими системами обладают только Джорджия, Массачусетс, Род-Айленд и, с некоторыми оговорками, Юта.

В России, как и следовало ожидать, ситуация оказалась противоположной. Если в масштабах всей страны главным политическим и в то же время доминирующим банковским узлом является Москва, то в пределах почти каждого субъекта Федерации местный административный центр также склонен брать на себя обе эти «московские» функции. Как и в отношении США, здесь намного проще перечислить исключения из правил. В 1998 г. таких случаев было только два: в Вологодской области по банковским показателям вместо Вологды лидировал Череповец, а в Ханты-Мансийском автономном округе – Сургут (вместо Ханты-Мансийска). После серии небольших колебаний к 2017 г. число исключений возросло до пяти: в этом ряду вновь оказался Ханты-Мансийский АО (ведущий банковский центр, как и прежде, Сургут), а также Кемеровская, Нижегородская, Псковская и Тверская области (главные банковские центры соответственно Новокузнецк, Саров, Великие Луки и Торжок).

Доля территорий, где банковское лидерство совпало с административным, составлявшая в США в разные годы от 14 % до 34 %, в России находилась в совсем другом диапазоне: 93–97 %. (Здесь надо заметить, что для корректности замеров по России учитывались происходившие с 2005 г. изменения в численности субъектов Федерации; кроме этого, из расчетов исключались, во-первых, города федерального значения (как не имеющие сопутствующего «провинциального» окружения – в США по аналогичной причине не рассматривался Федеральный округ Колумбия), во-вторых, регионы, административные центры которых находятся на других территориях, в-третьих, регионы, не обладавшие к 1998–1999 гг. (и в дальнейшем) собственными банками.) Таким образом, яркий контраст между США и Россией по коллективным долям региональных центров в банковских системах своих стран (табл. 5) дополняется родственным, но самостоятельно важным контрастом в том, что касается раскладов сил по совокупности политико-административных территорий, каждая из которых предварительно рассматривается как отдельное слагаемое.

Выводы

Представленный на этих страницах сравнительный анализ банковской географии Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации был выполнен на основе ряда ключевых критериев, причем в каждом случае возможность проведения исследований обеспечивалась большими и надежными базами доступных статистических данных.

Эта работа позволила выявить как сходство, так и различия между двумя государствами.

В частности, в США и России (как и во многих других странах) на долгосрочных хронологических интервалах наблюдалось сначала увеличение, а затем сокращение количества действующих банков. Различаться могли скорости этих процессов и даты поворотных точек, но общая закономерность выглядела неизменной и универсальной. Обе исторические фазы, при их номинальной противоположности, приводились в движение в основном рыночными факторами. На первом этапе огромные ожидания, связанные со становлением и развитием относительно новой отрасли, вели к росту числа корпораций. В дальнейшем (иногда из-за различных кризисов или законодательных корректировок, но чаще из-за происходивших на конкурентном поле слияний и поглощений) тренд разворачивался в обратную сторону. Соответственно, по схожим траекториям менялось количество городов и других населенных пунктов, обладавших собственными банковскими корпорациями.

Не менее важным обстоятельством, также объединяющим российскую кредитную систему с американской, является нарастающее неравенство городов по банковским показателям. В отдельные годы, особенно в условиях кризисов, могли происходить локальные движения с противоположным вектором, но преобладающей тенденцией, несомненно, оставалось усиливающееся расслоение.

Вместе с тем круг городов, лидирующих в национальных банковских системах и наращивающих преимущество над конкурентами, не был строго ограниченным. Многие финансовые метрополии находились в нем постоянно, но все же и в США, и в России отмечалось немало случаев прорыва в банковскую элиту новых городов (соответственно, происходило и выбывание ранее успешных центров из ее состава). Иными словами, механизмы конкуренции, способствовавшие нарастающей дифференциации результатов, в то же время не закрывали возможность добиться успеха и для новых игроков.

С тем же фактором относительно свободного рыночного соревнования связано еще одно явление, характерное для Америки и в значительной мере для России: ослабление зависимости банковских достижений городов от демографического фундамента. Конечно, крупный центр и сегодня имеет больше шансов показать впечатляющие результаты на финансовом поле, но за последние десятилетия эта связка была заметно расшатана различными историями успеха, которые формировали сравнительно небольшие города, выдвинувшиеся благодаря каким-либо иным обстоятельствам.

Выявление этих, как и некоторых других, общих для разных стран тенденций, проистекающих из фундаментальных законов конкуренции и их проекции на географию, представляется наиболее важной частью подобных исследований. В то же время в рассматриваемой паре «США–Россия» также наблюдаются значительные и показательные расхождения.

Отличительной чертой России является прежде всего очень высокая концентрация банковских сил в Москве, далеко превосходящая (в относительном выражении) степень доминирования Нью-Йорка в американской кредитной системе. Это различие достигает таких масштабов, что начинает отражаться и на некоторых общих для двух стран явлениях; сам факт подобной общности в некоторых случаях устанавливается лишь после «лабораторного» исключения из расчетов главных финансовых метрополий.

Кроме этого, в России наблюдается выраженное влияние административного фактора на банковские успехи. Если для американских штатов лидерство их столиц в региональных кредитных системах является скорее исключением из правил, то в России центры субъектов Федерации почти всегда выступают главными, а иногда и единственными банковскими величинами на управляемых территориях. Совмещение политического и кредитно-финансового первенства на федеральном уровне в Москве (контрастирующее с разделением подобных ролей между Вашингтоном и Нью-Йорком в американском случае) воспроизводится и в большинстве российских регионов. Все это вместе, и в особенности исключительная роль Москвы, позволяет утверждать, что преимущества, связанные с обладанием крупными банками (рабочие места, налоги и т. д.), в США извлекаются более широким (и менее предсказуемым) кругом городов, чем в России.

Сложное переплетение общих и особенных обстоятельств, открывающееся перед исследователем при проведении сравнительного анализа банковской географии России и США, в дальнейшем может быть рассмотрено в еще более детализированном и многоплановом ключе – по мере мониторинга текущих трансформаций, а также с учетом данных и по другим странам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банк России. Информация по кредитным организациям. Справочник по кредитным организациям. URL: https://www.cbr.ru/credit/main.asp (дата обращения: 15.08.2018).
2. Горкина Т.И. Монополия столицы в банковской системе Российской Федерации // Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. С. 294-304.
3. Горкина Т.И. Региональная структура банковской системы России на современном этапе // Региональные исследования. 2013. № 4 (42). С. 59-67.
4. Горлов В.Н., Климанов В.В., Лузанов А.Н. География банковской деятельности как новое научное направление // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2000. № 2. С. 47-54.
5. Лузанов А.Н. География банковской деятельности. М.: МАКС Пресс, 2002. 252 с.
6. Никитин Л.В. Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт: новейшая история борьбы за лидерство в банковской системе США (1970-е – середина 2010-х годов) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 128-144.
7. Сысоева Н.М., Сысоева О.В. Региональная банковская система как фактор социально-экономического развития территории // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Науки о земле. 2012. Т. 5, № 2. С. 252-264.
8. Сысоева О.В., Сысоева Н.М. Региональные финансовые центры Сибири: историко-географические особенности, экономические аспекты // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования. Красноярск: КГПУ, 2016. С. 159-161.
9. Федеральная служба государственной статистики России. Официальная статистика. Население. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 06.08.2018).
10. Calomiris C.W., Haber S.H. Fragile by Design: The Political Origins of Banking Crises and Scarce Credit. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2014. 584 p.
11. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). About FDIC. History of the FDIC. Historical Timeline. URL: http://www.fdic.gov/about/history/timeline (дата обращения: 11.08.2018).
12. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory. URL: https://www5.fdic.gov/idasp/advSearchLanding.asp (дата обращения: 18.08.2018).
13. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). Economic Data. URL: https://www.fraser.stlouisfed.org/theme/21 (дата обращения: 16.08.2018).
14. Grossman R.S. Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2010. 408 p.
15. Markham J.W. A Financial History of the United States. Vol. I: From Christopher Columbus to Robber Barons (1492–1900). Armonk (N.Y.)–London: M.E. Sharpe, 2002. 421 p.
16. Nikitin L.V. National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s – 2015 // Журнал Сибирского Федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № 11. С. 2545-2553.
17. Rothbard M.N. A History of Money and Banking in the United States: the Colonial Era to World War II. Auburn (Al.): Ludwig von Mises Institute, 2002. 510 p.
18. United Nations Statistical Division. National Accounts Main Aggregates Database. URL: http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp (дата обращения: 11.08.2018).
19. United States Census Bureau. Population. Population Estimates. Historical Data. URL: http://www.census.gov/popest/data/historical (дата обращения: 11.08.2018).

20. Zhou B. Banking Geography of the United States: Structure, Conduct, and Performance of Commercial Banks in the U.S. Metropolitan System. New York: Garland Publishing Inc., 1997. 251 p.
21. Zhou B. Geographical Patterns of Interstate Banking: a Snapshot of the U.S. Metropolitan System in the early 1990s // Urban Geography. 1998. Vol. 19. No. 1. P. 24–48.

Поступила в редакцию 24.08.2018

Никитин Леонид Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
454080 Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69
E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru

L.V. Nikitin

GEOGRAPHY OF THE BANKING SECTOR IN THE USA AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS ON MATERIALS OF THE 1980s–2010s

In the article, geographies of banking activity in the USA and the Russian Federation are compared on a number of key parameters. The special attention paid to this particular sector is explained not only by its huge influence on the entire economy, but also by taxing and other advantages that some cities receive with the appearance of large financial companies in them. The choice of the two countries as objects for comparison was related in particular to their commensurate population numbers, a wide range of internal economic and geographical differences, federal arrangements, and some similar features in financial history of relatively recent decades. The research is based primarily on an array of statistical data that are available on the official websites of the Bank of Russia, the U.S. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC), and the U.S. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). The main series of open statistics go into the past until 1978 for the United States and 1998 for Russia, while on additional directions it is possible to dive into much deeper history. The initial statistical data, after systematization and processing by various mathematical tools, allowed carrying out a comparative analysis of the banking geography of the two countries on such characteristics as numbers of credit corporations, discrepancy between cities in terms of the volume of activity of local banks, intensity of rank transfers among the leading centres in the industry, and impact of population numbers and administrative positions of cities on their banking achievements. The study showed that common market factors lead to similarities between the USA and Russia in such aspects as, for example, the change in the number of corporations and the dynamics of inter-city stratification. On the other hand, Russia dramatically differs from the USA in the higher degree of resource concentration in the national financial metropolis, as well as in the pronounced superiority of regional administrative centres over their surroundings.

Keywords: Russia, USA, 1980s–2010s, banks, cities, competition, comparative analysis.

Received 24.08.2018

Nikitin L.V., Candidate of History, Associate Professor at the Department of World History
South Urals State Humanitarian Pedagogical University
Prosp. Lenina, 69, Chelyabinsk, Russia, 454080
E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru